

THE INTERNATIONAL BOARD
ON BOOKS FOR YOUNG PEOPLE

awards

The Hans Christian Andersen Medal

to

Tatyana A. Mavrina

*for her International Contribution to the
Illustration of Children's Books*

John A. Latta
President, International Board on Books for Young People

John A. Latta
President, Hans Christian Andersen Award Jury

Athens, Greece, October 1, 1976

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ
ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
В 1976 ГОДУ НАГРАДИЛ МЕДАЛЬЮ
ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА
Т. А. Маврину

ЗА РЕДАКЦИОННО-ДОСТАВЛЕНН
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ДЕТСКОЕ КИШЕИ

Будешь искать, так найдёшь

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Некотором царстве,
в некотором
государстве жил
царь с царицей.
У него были
три сына:
молодые,
холостые,

1

удальцы такие, что
ни в сказке сказать,
ни пером описать.
Младшего звали
Иван-царевич.

говорит им царь такое слово:

— Дети мои милые! Возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите в разные стороны. На чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичья терема.

Пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягушка-квакушка.

Говорит Иван-царевич:

— Как мне за себя квакушку взять? Квакушка не ровня мне!

— Бери, — отвечает ему царь, — знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакушке.

ризывает их царь и приказывает:

— Чтобы жёны ваши испекли мне к завтраку по мягкому белому хлебу!

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягушка. — Али услышал от отца своего слово гневное, неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраку изготовить мягкий белый хлеб.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!

Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки - няньки,
собирайтесь, снаряжайтесь,
приготовьте мягкий белый хлеб,
каков ела я, кушала
у родного моего батюшки!

аутро проснулся Иван-царевич — у квакушки хлеб давно готов, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

ИЗУКРАШЕН ХЛЕБ
РАЗНЫМИ ХИТРОСТЯМИ,
ПО БОКАМ ВИДНЫ ГОРОДА
С ПРИГОРОДКАМИ И С ЗАСТАВАМИ!

благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

— Чтобы жёны ваши соткали мне за единую ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприветное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-девицей Василисою Премудрою. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Буйны ветры,
принесите тот самый ковёр,
на котором я сидела
у родного моего батюшки!

аутро проснулся Иван-царевич, у квакушки ковёр давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать.

Изукрашен ковёр
золотом, серебром,
хитрыми узорами.

лагодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; а как тебя в люди показать?

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, как он повелел, а я вслед за тобой буду, не задержусь. Как услышишь стук да гром, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

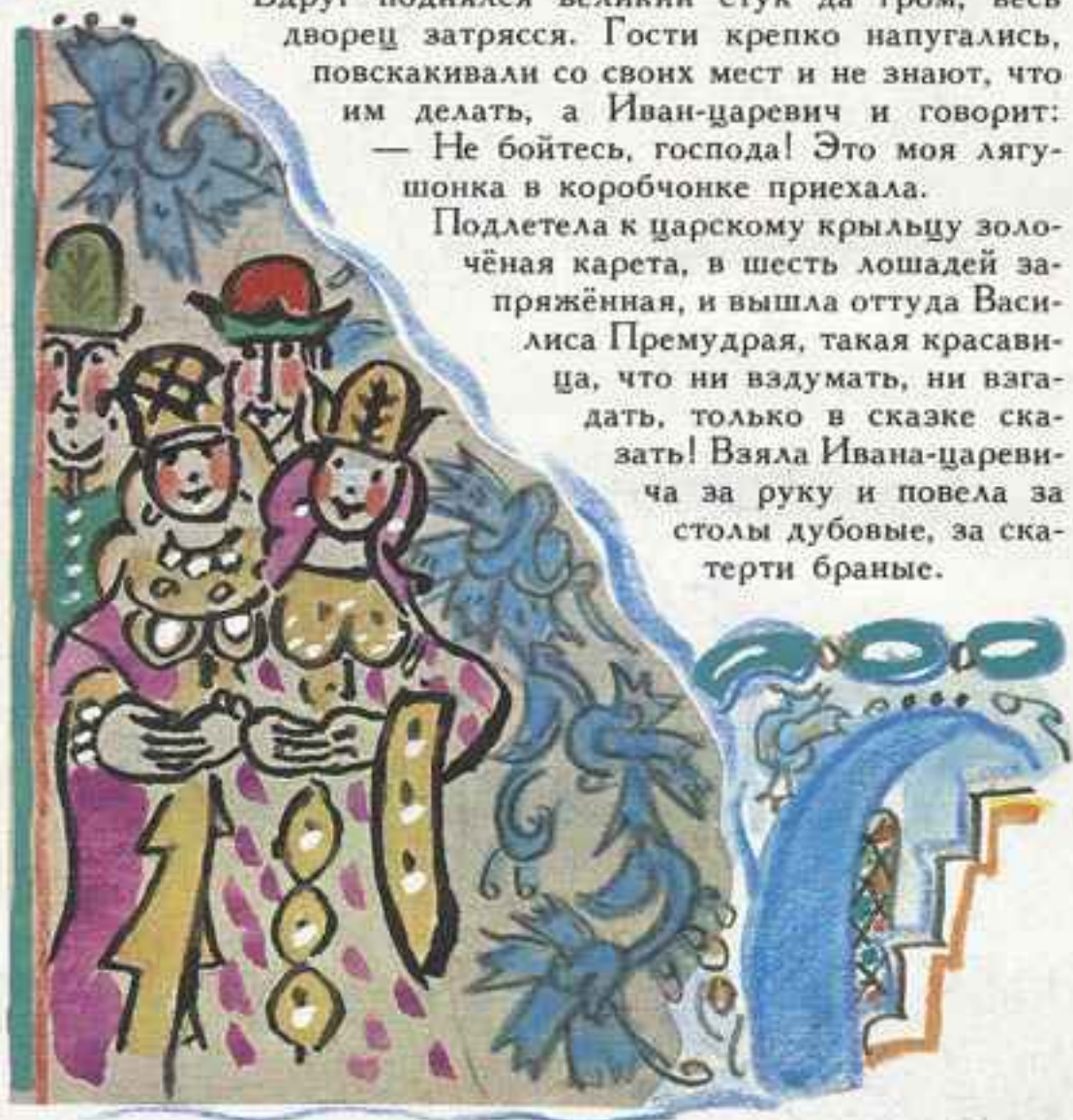
В.

от старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да на Ивана-царевича смеются:

— Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром, весь дворец затрясся. Гости крепко напугались, повскакивали со своих мест и не знают, что им делать, а Иван-царевич и говорит: — Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета, в шесть лошадей запряжённая, и вышла оттуда Василиса Премудрая, такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

тали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила, закусил лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидели её хитрости, давай и себе то же делать.

После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем,

махнула левой рукой —
сделалось озеро, махнула
правой — поплыли по воде
белые лебеди. Царь и гости
диву дивились!

А старшие невестки
пошли танцевать, махнули
левыми руками — гостей
забрызгали, махнули пра-
выми — кость царю прямо
в глаз попала!

Царь рассердился и
прогнал их.

ем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её в большом огне.

Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечей кожи. Приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве. Три пары железных сапог износи, три железных посоха изломай, — обернулась белой лебедью и улетела в окно.

ван-царевич горько заплакал, помолился на все четыре стороны, взял железный посох, надел железные сапоги и пошёл куда глаза глядят. Шёл-шёл — и попадаетеся ему навстречу старый

старичок.

— Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему своё несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты спалил лягушечью кожу? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрее, мудрее своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушкой быть. Вот тебе клубок, куда он покатится, ступай за ним смело.

ван-царевич поблагодарствовал старику и пошёл за клубочком.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли — прикатился клубочек к избушке: стоит избушка на курьих ножках да всё повёртывается.

Говорит Иван-царевич:

— ИЗБУШКА, ИЗБУШКА!
Стань по-старому,
как мать поставила,
к лесу задом,
ко мне передом.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом. Царевич вошёл в избушку, а в ней лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос, сама зубы точит. Говорит она сердитым голосом:

— фу-фу-фу!

Доселева русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух в очах проявляется, в нос бросается! Гой еси, Иван-царевич, зачем пожаловал?

— Ах ты, старая яга! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда бы вестей и спрашивала.

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— Ох, дитяtko, как ты долго не бывал! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь перестала. Ступай скорее к моей средней сестре, та больше моего знает.

ван-царевич собрался в путь-дорогу и пошёл вслед за клубочком. Шёл-шёл — и вот опять перед ним избушка на курьих ножках.

— Избушка,
избушка!
Стань по-старому,
как мать
поставила,
к лесу задом,
ко мне передом.

Избушка повернулась. Царевич вошёл в неё, а там баба-яга, костяная нога. Увидала гостя и говорит:

— Фу-фу-фу!

Доселева русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух в очах проявляется, в нос бросается! Что, Иван-царевич, волею пришёл али неволею?

ван-царевич отвечал, что сколько волею, а вдвое того — неволею:

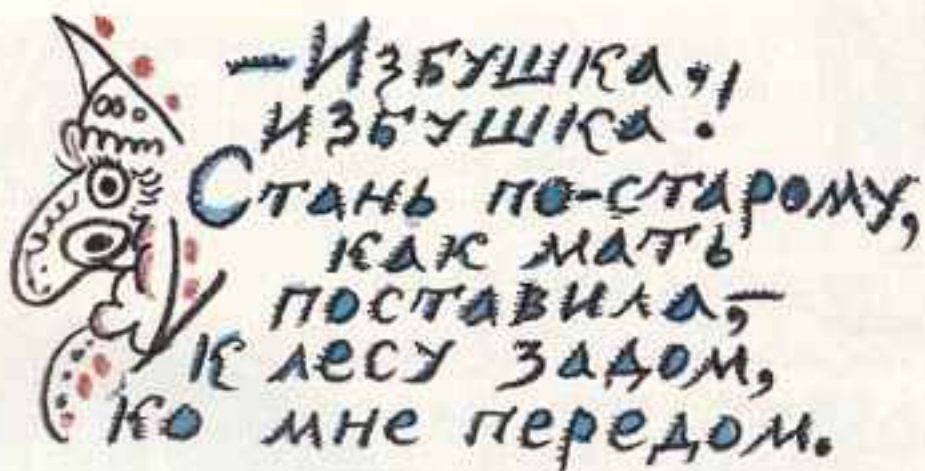
— Ищу Василису Премудрую!

— Жаль тебя, Иван-царевич! Очень долго ты не бывал: Василиса Премудрая совсем тебя по-

забыла, хочет выходить за другого замуж. Теперь она живёт у моей большой сестры, ступай туда скорей, да одно помни: как войдёшь ты в избу — Василиса Премудрая сейчас оборотится веретеном, а моя сестра станет золотые нитки прясть, на то веретёнце навивать. Смотри же, не плошай! Унеси у неё веретёнце, переломи его надвое, кончик брось позади себя, а корешок наперёд — Василиса Премудрая очутится перед тобою.

ошёл Иван-царевич в дорогу. Шёл, шёл, долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, три пары железных сапог изношены, три железных просвиры изглоданы — добрался наконец до избушки на курьих ножках.

Избушка повернулась.

Царевич вошёл в неё, а там баба-яга, костяная нога сидит да золото прядёт. Напряла веретено, положила его в ларчик и на ключ заперла.

Иван-царевич удосужился, унёс ключ, открыл ларчик, вынул веретено и переломил его надвое: кончик бросил позади, а корешок наперёд.

ту же минуту явилась перед ним Василиса Премудрая.

— Ах, Иван-царевич! Как ты долго не бывал, я чуть за другого замуж не вышла!

Тут они взялись за руки, сели на ковёр-самолёт и полетели в своё государство. Через три дня на четвёртый опустился ковёр прямо на царский двор. Царь встретил своего сына и невестку с великою радостью, задал большой пир, а после своей кончины

НАЗНАЧИЛ
СВОИМ
НАСЛЕДНИКОМ
ИВАН-ЦАРЕВИЧА.

СИВКА-БУРКА

было у старика
трое сыновей:
двое умных,
а третий
Иванушка-
дурачок*

День и ночь
дурачок на печи.

осеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам топтать и травить. Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно. Поймайте мне вора!

Приходит первая ночь.

Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

— Всю ночь не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь

пошёл средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь

приходит черёд дураку идти. Взял он аркан и пошёл. Пришёл на межу и сел на камень. Сидит, не спит, вора дожидается.

самую полночь прискакал на пшеницу разношёрстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебряная; бежит — земля дрожит, из ноздрей дым столбом валит, из ушей пламя пышет: не столько ест, сколько топчет. Подкрался дурак на четверень-

ках к коню и разом накинуд ему на шею аркан. Рванулса конь изо всех сил — не тут-то было! Дурак упёрся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе важную службу сослужу.

— Хорошо, — отвечает Иванушка-дурачок, — да как я тебя потом найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни:

«Сивка-бурка,
вещий каурка!
Стань передо мной,
как лист перед травой!»

отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово — пшеницы не топтать, не есть.

Пришёл Иванушка домой.

— Ну, что, дурак, видал? — спрашивают.

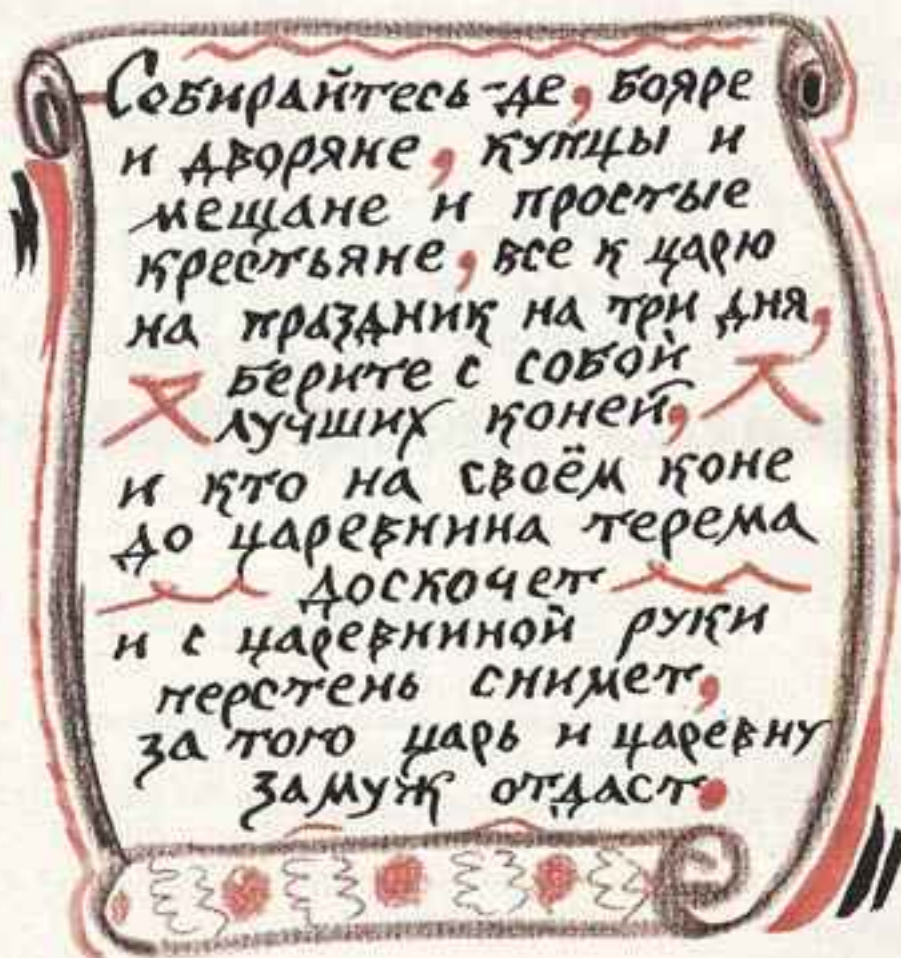
— Поймал я, — говорит Иванушка, — братья, разношёрстного коня, и пообещал он больше не ходить на пшеницу, вот я его и отпустил.

Посмеялись братья вволю над дураком, но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

коро после этого стали по городам и деревням гонцы от царя ходить, клич кликать:

Собирайтесь-де, бояре
и дворяне, купцы и
мещане и простые
крестьяне, все к царю
на праздник на три дня,
берите с собой
лучших коней,
и кто на своём коне
до царевнина терема
доскочет
и с царевниной руки
перстень снимет,
за того царь и царевну
замуж отдаст.

тали собираться на праздник и Иванушкины братья — не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просился и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак! — говорят братья. — Людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошёл грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

“Сивка-бурка,
вещий каурка!
Стань передо мной,
как лист перед травой!”

Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя, из ноздрей дым валит. Прибежал и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну, — говорит, — влезай мне, Иванушка, в правое ухо, в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит — народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет, собою красавица из красавиц. Никто до неё скакать и не думает: никому нет охоты шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам; осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шёлковой плёткой хлестнул. Кричит народ:

— Держи! Держи его!

А Иванушки уже и след простыл.

ыехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, а в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принёс домой.

— Вот вам, хозяйюшки, грибков! — говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

— Что ты, дурак, за грибы принёс? Разве их одному тебе есть!

Усмехнулся Иван и опять залез на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели. А Иванушка лежит на печи да посмеивается.

а другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

— Сивка-бурка,
вещий каурка!
Стань передо мной,
как лист перед травой!

Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь.

идит: на площади народу ещё больше прежнего. Все на царевну любят, а прыгать никто не думает: кому охота шею ломать!

дарил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам: осерчал конь, прыгнул и только на два венца до царевнина окна не допрыгнул. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уж на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

а третий день опять братья поехали на праздник. Прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плёткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с её пальца дорогой перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плёткой огреть. Тут уж и царь и царевна стали кричать:

— Держи! Держи его!

А Иванушки и след простыл.

Пришёл Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают Ивана невестки.

— Да вот, — говорит, — искавши грибов, сучком накололся.

И полез на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было, а Иванушка на печи захотел перстень посмотреть. Как приподнял он тряпицу, избу так всю и осияло.

— Перестань, дурак, с огнём баловать! — крикнули на него братья. — Ещё избу сожжёшь! Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!

ня через три идёт от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгует, тому голову с плеч.

Нечего тут делать: пошёл на пир сам старик со своей семьёй. Пришли, за столы дубовые посадились, пьют и едят, беседу ведут. В конце пира стала царица мёдом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему, а на дураке-то платишко худое, одна рука грязной тряпкой завязана. Просто страсть.

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царица. — Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял. Взяла тогда царица дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой суженый.

бмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское
платье; и стал он таким молодцом, что отец и братья
глядят и глазам своим не верят. Сыграли свадьбу
царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир.
Я там был, мёд, пиво пил, по усам текло,

А В РОТ
НЕ
ПОПАЛО *

Век жизни

Век учиса

ХИТРАЯ НАУКА

или себе
дед да баба.
У них был сын.
Старик-то
был бедным.
Хотелось ему
отдать
сына
в науку,

чтобы смолоду был
родителям своим на утеху,
под старость на перемену.
Да что станешь делать,
коли достатку
нет!

одил он его по городам, по сёлам — авось возьмёт кто в ученье. Нет, никто не взялся учить даром. Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повёл сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу неведомый человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот никто не берёт сына без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне! — говорит встречный. — Я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном. Да смотри: коли придёшь вовремя да узнаешь своего сына — возьмёшь его назад, а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался, что и не спросил, кто такой встречный, где живёт, как и чему станет учить малого. Отдал ему сына и пошёл домой. Пришёл домой в радости, рассказал обо всём бабе.

А ВСТРЕЧНЫЙ-ТО БЫЛ КОЛДУН.

Рот прощай три года.

Старик давно позабыл, в какой день и час отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою пташкою, хлопнулся о завалинку и вошёл в избу добрым молодцем. Поклонился отцу и говорит:

— Батюшка! Завтра исполняется моему ученью три года, приходи за мной, — и рассказал, куда приходить и как его узнавать: — У хозяина моего одиннадцать работников навсегда при нём остались оттого, что родители не сумели их признать. Ты меня не признаешь — и я останусь при нём двенадцатым. Завтра хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову равны. Все высоко станут летать, а я нет-нет — да возьму повыше всех. Хозяин спросит, узнал ли своего сына, — ты и покажь на того голубя, что повыше всех. После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону и собой равны. Хорошенько примечай: все жеребцы будут смирно стоять, а я нет-нет — да правой ногой и топну. Ты смело на меня показывай. После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — все на одно лицо и одеждой равны. Как станешь проходить мимо, хорошенько вглядывайся: на правую щёку ко мне сядет малая мушка. То тебе примета верная!

Распростился с отцом и пошёл из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

оутру дед встал, собрался и пошёл за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову равны — и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

— Как узнавать-то? Ишь, все равны!

Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

Удивился колдун:

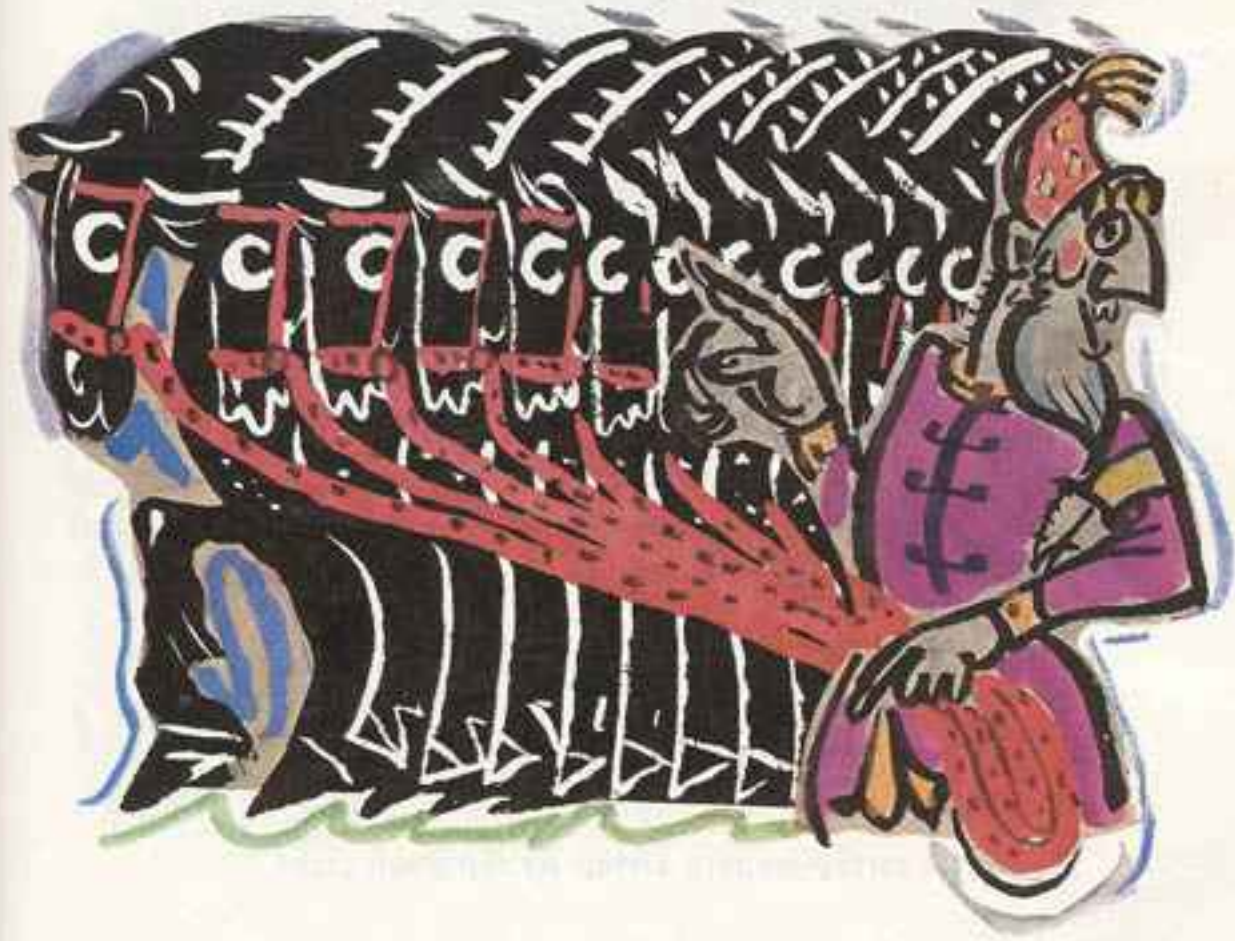
— *Узнал, узнал, дедушка!*

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все как один, и шерстью, и статьями одинаковы, и гривы на одну сторону. Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка? Узнал своего сына?

— Нет ещё, погоди маленько, — да как увидал, что один жеребец топнул правую ногой, сейчас показал на него: — Кажись, это мой!

Узнал, узнал, дедушка!

третий раз вышло двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила. Дед раз прошёл мимо молодцев — ничего не заметил, в другой прошёл — тоже ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Да не ты хитёр-мудёр, хитёр-мудёр твой сын!

зял старик сына и направился домой. Идут путём-дорогою долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. На ту пору скачут охотники, промышляют зверя красного. Впереди лиса бежит, норовит от них уйти.

— Батюшка, — говорит сын, — я обернусь гончей собакою и схвачу лисицу. Как наедут охотники и станут отбивать зверя, молви им: «Господа охотники, у меня свой пёс, я тем свою голову кормлю». Охотники скажут: «Продай его нам», — и будут сулить тебе хорошие деньги. Ты собаку-то продай, а ошейник с верёвкой ни за что не отдавай.

Тотчас обернулся он гончею собакою, погнал за лисою и схватил её. Наехали охотники:

Ах ты, старый! — закричали они. — Зачем пришёл сюда нашу охоту перехватывать?

— Господа охотники, — отвечает старик, — у меня свой пёс, я тем голову свою кормлю.

— Продай нам!

— Купите, — говорит старик.

— А дорог?

— Да не дорог. Сто рублей.

Охотники и торговаться не стали, заплатили ему деньги и берут себе собаку, а старик снимает с неё ошейник и верёвку.

— Что же ты верёвку тащишь?

— И-и, кормильцы, моё дело дорожное: оборвётся на лап-тишках оборка — навязать пригодится.

у ладно, возьми себе! — сказали охотники, накинули на собаку свою привязь и ударили по лошадям. Ехали-ехали, глядь — бежит лисица, пустили за нею своих кобелей; те гоняли, гоняли, никак догнать не могли. Говорит один охотник:

— Пустите, братцы, нового кобеля!

Пустили — да только и видели! Лиса бежит в одну сторону, а кобель — в другую. Напрасно ждали-поджидали его охотники. Нагнал он старика, ударился о сырую землю и сделался молодцем по-старому, по-прежнему. Обрадовался ему старик — наглядеться не может.

П

ошёл старик с сыном дальше. Приходят к озеру. Охотники стреляют гусей, лебедей, серых уток. Летит стадо гусиное, говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь ясным соколом и стану хватать-побивать гусей. Придут к тебе охотники, начнут приставать, ты им скажи: «У меня свой сокол есть, я тем голову свою кормлю!» Будут они торговать сокола — ты птицу продай, а путцев — верёвочки, которой её лапки связаны, — ни за что не отдавай.

Обернулся ясным соколом, поднялся повыше стада гусиного и стал гусей хватать-побивать да на землю пускать. Старик едва в кучу собирать поспевает.

Как увидали охотники такую добычу, прибежали к старику:

— Ах ты, старый! Зачем пришёл сюда нашу охоту переимать?

— Господа охотники! У меня свой сокол есть, я тем свою голову кормлю.

Захотелось охотникам иметь такую птицу.

— Не продашь ли сокола?

— Отчего не продать — купите!

— А дорог?

— Два ста рублей.

Охотники заплатили деньги и берут себе сокола, а старик путцы снимает.

— Что ж ты путцы снимаешь? Али жалко?

— И-и, кормильцы, моё дело дорожное: оборвётся на лаптишках оборка — навязать пригодится.

Охотники не стали спорить и пошли выискивать дичь. Долго ли, коротко ли — летит стадо гусиное.

— Пустимте, братцы, сокола!

Пустили — да только и видели! Сокол поднялся повыше стада гусиного и полетел вслед за стариком. Нагнал его, ударился о сырую землю и сделался молодцем по-старому, по-прежнему. Воротились они домой и зажили себе припеваючи.

Настал воскресный день. Говорит сын отцу:
— Батюшка! Я обернусь нынче лошадыю; смотри
же, лошадь продавай, а уздечку не продавай, не то
домой не ворочусь.
Хлопнулся о сырую землю и сделался славным
жеребцом.

Повёл его дед продавать. Обступили старика торговые
люди, всё барышники: тот даёт дорого, другой даёт дорого,
а колдун тут же явился и даёт дороже всех. Старик продал ему
сына, а уздечки не отдаёт.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает кол-
дун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою
узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на старика накнулись: так-де водит-
ся, продал коня — продал и узду.

Что с ним поделаешь? Отдал старик уздечку.

Колдун привёл коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка, — сказал колдун, — ведь я купил нашего хитреца.

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь прибежала смотреть. Жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь принялся головою махать. Махал-махал, пока не

сбросил с себя узды, а как сбросил — сейчас вырвался и пошёл версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу:

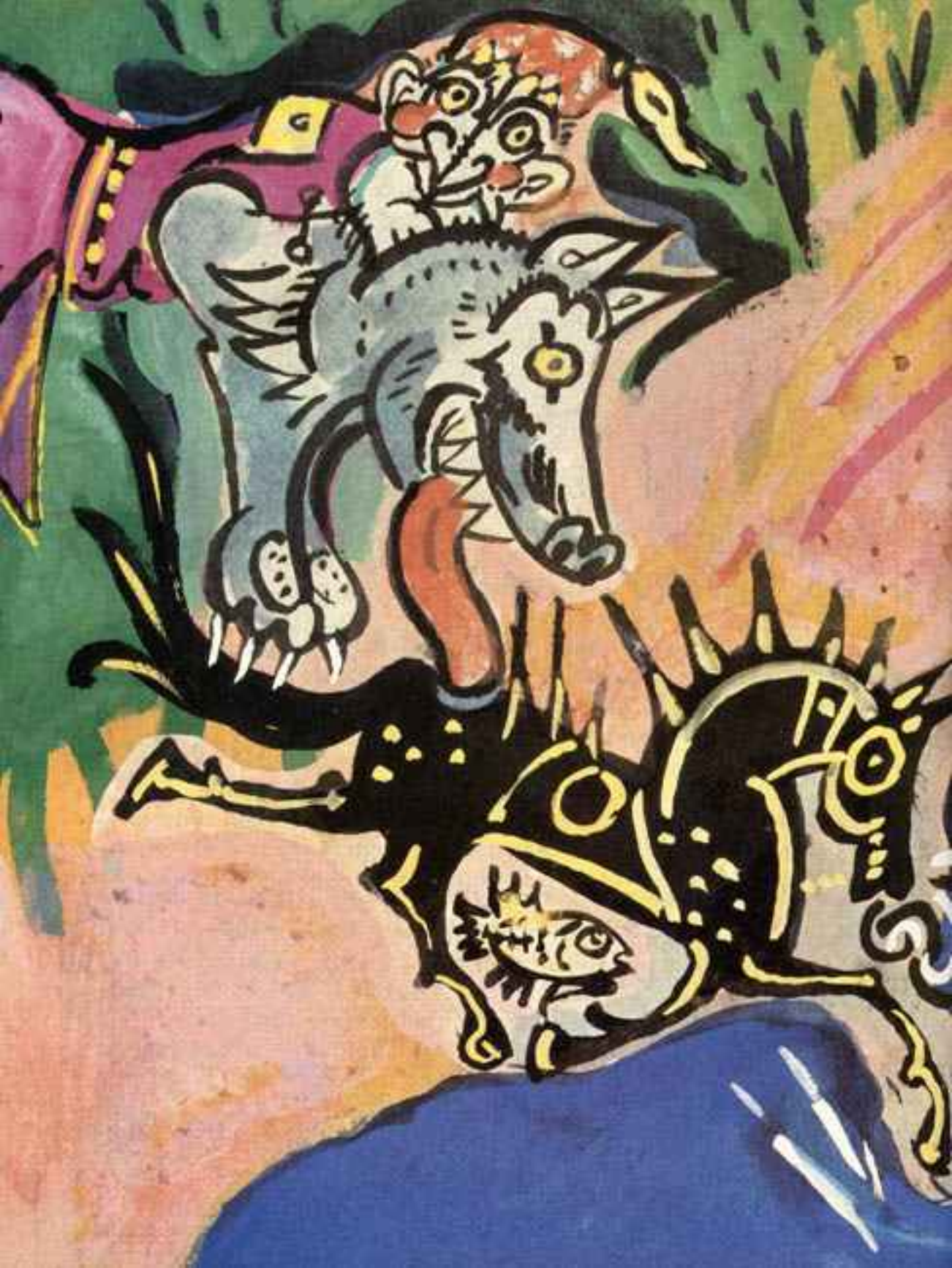
— Батюшка, прости, грех попутал — конь-то бежал!

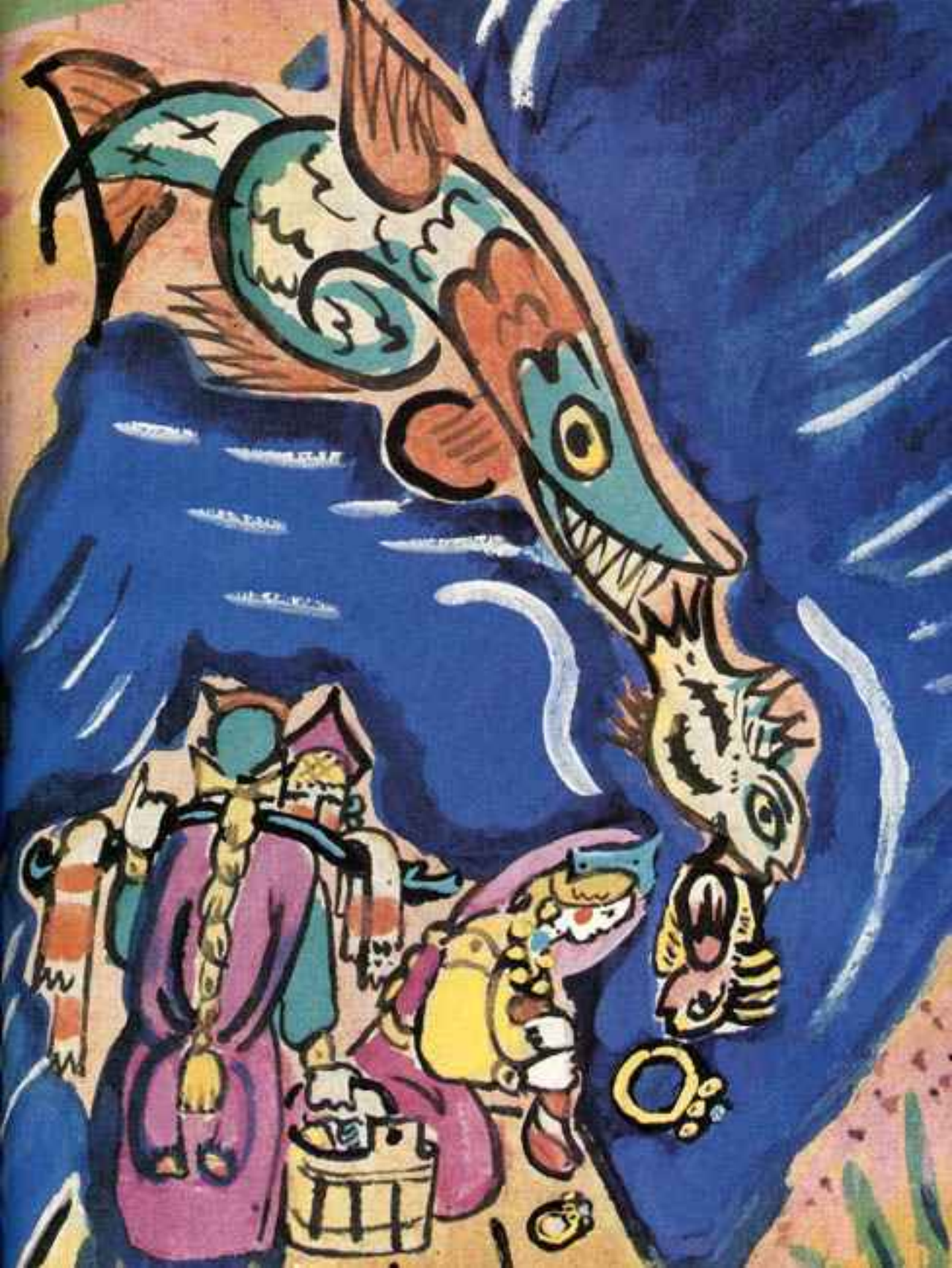

олдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню; вот близко, вот нагонит!

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился в ерша и бултых в воду, а волк за ним щукою.

Ерш бежал-бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы бельё полоскали, перекинулся золотым колечком и подкатился купеческой дочери прямо под руку.

упеческая дочь увидела колечко, подхватила и на пальчик надела. А колдун сделался по-прежнему человеком, пристаёт к ней:

— Отдай да отдай моё золотое колечко!

— Бери,— говорит красная девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту же минуту рассыпалось мелким жемчугом. Колдун обернулся петухом и бросился клевать жемчужные зёрна. Пока он клевал — одно зерно перекинулось ястребом.

Ястреб тотчас взвился кверху, ударил с налёту и убил петуха насмерть.

осле того оборотился он добрым молодцем, полюбился красной девице, купеческой дочери, женился на ней, и зажили они вдвоём весело да счастливо.

Тем сказке конец,

А мне
Водички
Корещ.

ОАНО КРАСНОЕ СОЛНЦЕ НА БЕЛОМ СВЕТЕ

ВЕДЬМА СОЛНЦЕВА СЕСТРА

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ,
В ДАЛЕКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
ЖИЛ БЫЛ ЦАРЬ
С ЦАРИЦЕЮ.

У НИХ БЫЛ СЫН
ИВАН-ЦАРЕВИЧ,
НЕМОЙ ОТ РОЖДЕНИЯ.

огда исполнилось ему двенадцать лет, пошёл он однажды к своему любимому конюху. А тот конюх сказывал ему всегда сказки, и теперь Иван-царевич хотел послушать его чудесных рассказов, да не то услышал.

— Иван-царевич, — сказал конюх, — у твоей матери скоро народится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей. Если хочешь от беды избавиться, ступай попроси у отца что ни есть наилучшего коня и поезжай куда глаза глядят.

Иван-царевич прибежал к отцу и сроду впервой заговорил с ним. Царь так этому возрадовался, что ни стал и спрашивать, зачем ему добрый конь надобен. Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят. Долго-долго он ехал. Наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить.

Старухи сказали:

— Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уже немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изощьём сундук ниток, тотчас и смерть придёт!

ван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго он ехал; подъезжает к Вертодубу и просит:
— Прими меня к себе.
— Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остаётся немного. Вот как повыверну эти дубы с корнями, тотчас и смерть моя!

уше прежнего заплакал царевич и поехал всё дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ:

— Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справляюсь с этими последними, тут и смерть моя!

З

алился Иван-царевич горькими слезами и поехал ещё дальше. Долго-долго ехал; приезжает к Солнцовой сестрице. Она его приняла к себе, поила-кормила, как за родным сыном ходила.

орошо было жить царевичу, а всё нет-нет, да взгрустнётся, захочется узнать, что в родном доме делается. Взойдёт, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что всё съедено, только стены остались! Вздохнёт и заплачет. Раз этак посмотрел да поплакал — воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

— Отчего ты, Иван-царевич, нынче заплаканный?

Он говорит:

— Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же. Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть. И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный, да уж делать нечего — пришлось во всём признаться. И стал он просить Солнцеву сестру, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не отпускает, а он всё упрасивает; наконец упросил-таки. Отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу

*щётку, гребёнку да два
молодильных яблока:*

как бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась. Он взял свою щётку и бросил во чисто поле: откуда ни взялись, вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько их тут — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу.

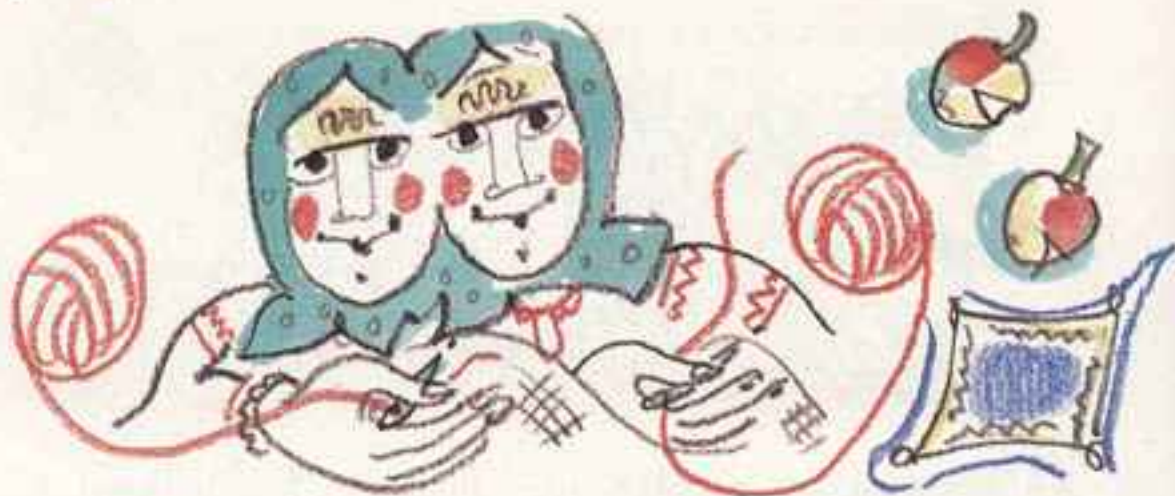

олго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось. Он взял гребёнку и кинул во чисто поле: откуда что — вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошёл столетние дубы выворачивать.

олго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблоку. Они скушали те яблоки и вдруг помолодели, словно никогда старухами не бывали. На радостях подарили они царевичу такой платочек: как махнёшь платочком — станет позади целое озеро!

риезжает Иван-царевич домой, сестра выбежала, встретила его, приглубила: — Сядь, — говорит, — братец, поиграй на гуслях, а я пойду обед приготовлю.

Царевич сел и бречит на гуслях. Выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

— Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра зубы точит.

И

ван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад, а мышонок по струнам бегает: гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушёл. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

еребралась ведьма через горы и опять погналась за братом. Завидела его и кричит:

— Ну, теперь не уедешь от меня!
Вот близко, вот нагонит!

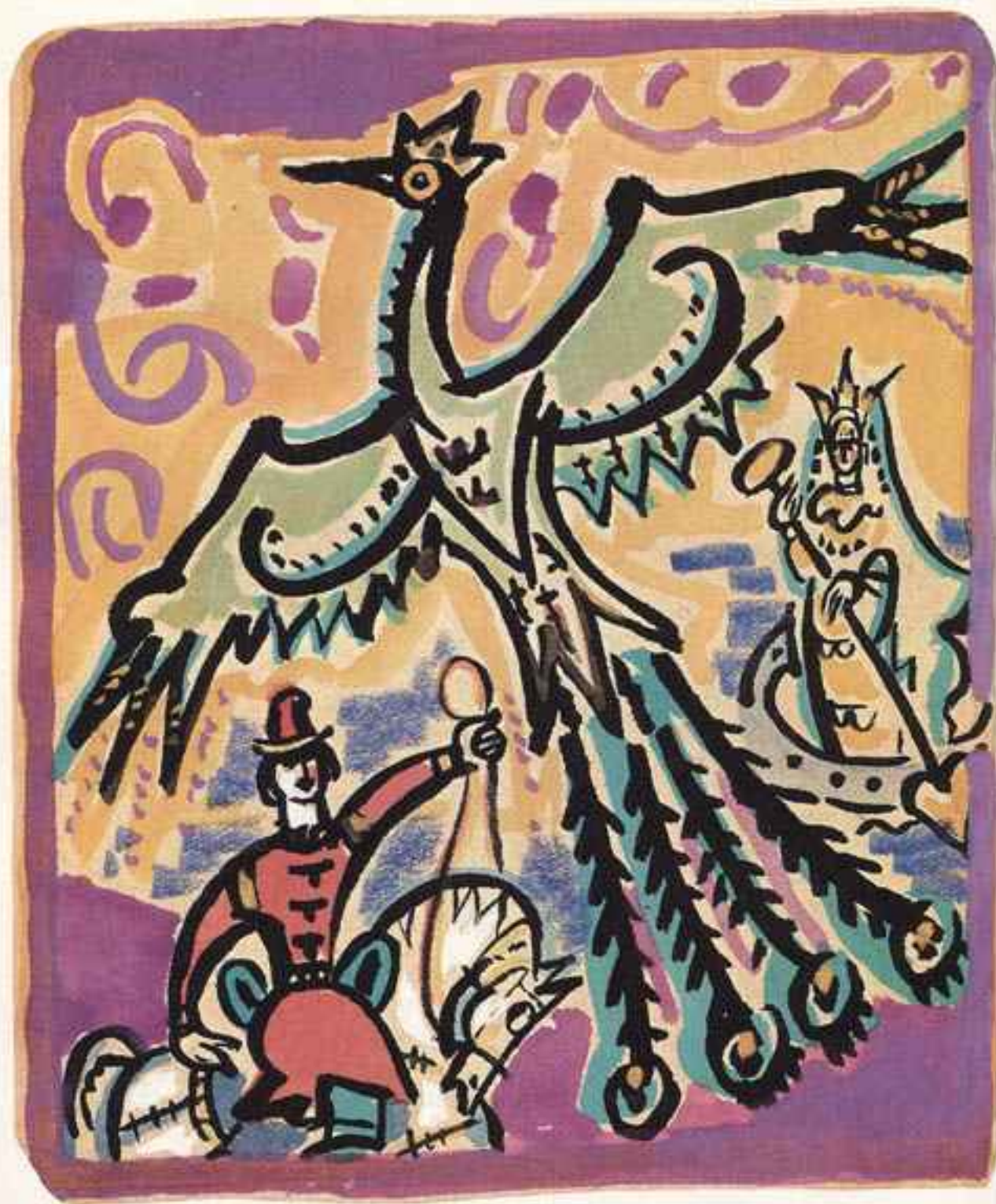
В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестры и закричал:

-Солнце, солнце!
Отвори оконце!

Солнцева сестра отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конём.

А ведьма-змея
ни с чем
осталась.

Взялся за ружьё, так не говори, что не дюж!

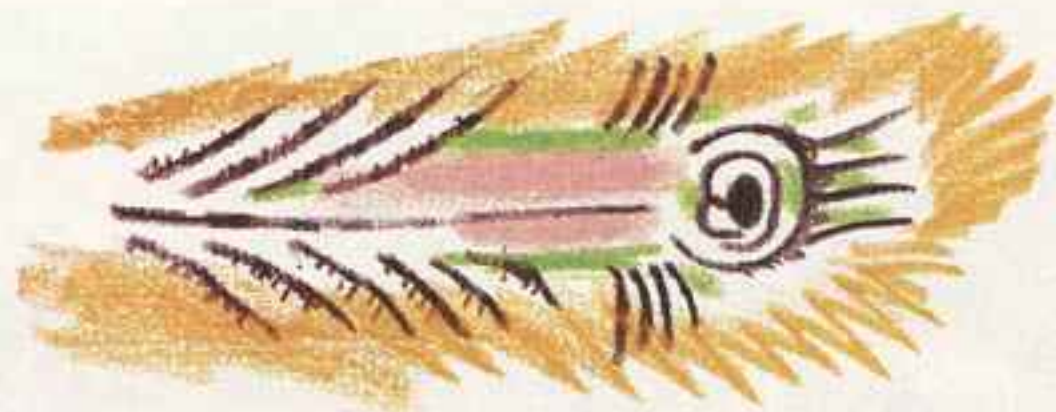

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ!

а тридцать
земель,
в некотором царстве,
в тридесятом
государстве
жили-были сильный,
могучий царь.
У этого царя был
стрелец-молодец,
а у стрельца-молодца
конь богатырский.

Раз поехал стрелец на своём богатырском коне в лес поохотиться; едет дорогою, едет широкою — и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится!

Говорит ему богатырский конь:

*— Не бери золотого пера;
возьмёшь — горе узнаешь!*

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привёз и подносит царю в дар.

— Спасибо! — говорит царь. — Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошёл к своему богатырскому коню.

— О чём плачешь, хозяин?

— Царь приказал жар-птицу добыть.

— Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься:

*это ещё не беда,
беда будет впереди!*

тупай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день, на заре, поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался. Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море — летит жар-птица; прилетела, опустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошёл к жар-птице, наступил на её крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, связал жар-птицу верёвками, сел на коня и поскакал во дворец.

ПРИНОСИТ ЦАРЮ ЖАР-ПТИЦУ;

царь увидел, возрадовался, благодарил стрельца за службу, пожаловал его чином.

И тут же задал ему другую задачу:

— Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна — её-то мне и надобно. Достанешь — златом и серебром награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню.

— О чём плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

— Не плачь, не тужи;

это ещё не
беда, беда
будет
впереди!

тупай к царю, попроси палатку с золотой маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотой маковкой.

Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли — приезжает на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывёт Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом помахивается. Стрелец-молодец пустил своего коня в зелёных лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкой, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке — угощается, Василису-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любуется на палатку.

— Здравствуй, Василиса-царевна! — говорит стрелец. — Милости просим хлеба-соли откусать.

Василиса-царевна вошла в палатку. Начали они есть-пить, веселиться. Устала царевна и крепким сном заснула.

Стрелец-молодец крикнул своего коня, конь прибежал, тотчас стрелец садится на него, берёт с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу.

риехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно обрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином.

Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменялась; сколько царь ни уговаривал — всё понапрасну. Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

— Пусть тот, кто меня сюда привёз, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано моё подвенечное платье — без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

— Поезжай скорее на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны;

достаешь это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достаешь — больше прежнего награжу, а не достаешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залюлся стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню:

«Вот когда, — думает, — не миновать смерти!»

— О чём плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

— А что! Говорил я тебе: не бери золотое перо, горе наживёшь! Ну да не бойся;

*Это еще не беда,
беда будет
впереди!*

Садись на меня да поедem к синему морю, на край света, где красное солнышко восходит.

олго ли, коротко ли — приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползёт, и наступил ему на шейку своим тяжёлым копытом. Возговорил морской рак:

— Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, всё сделаю.

Отвечал ему конь:

— Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на всё синее море; тотчас море всколыхнулось; сползли со всех сторон на берег раки большие и малые — тьматмущая! Старший рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

риезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась:

— Не пойду,— говорит царю,— за тебя замуж, пока не искупаешься в горячей воде.

Царь приказал налить чугунный котёл воды, вскипятить как можно горячей, да велел то купанье вперёд стрельцу испробовать. Вот всё готово, вода кипит, брызги так и летят: привели бедного стрельца:

«**В**от беда, так беда!»

думает он, — ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?»

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

— Царь-государь! Позволь мне перед смертью пойти с конём попрощаться.

— Хорошо, ступай — попрощайся!

Пришёл стрелец к своему богатырскому коню и слёзно плачет.

— О чём плачешь, хозяин?

— Царь велел в кипятке искупаться.

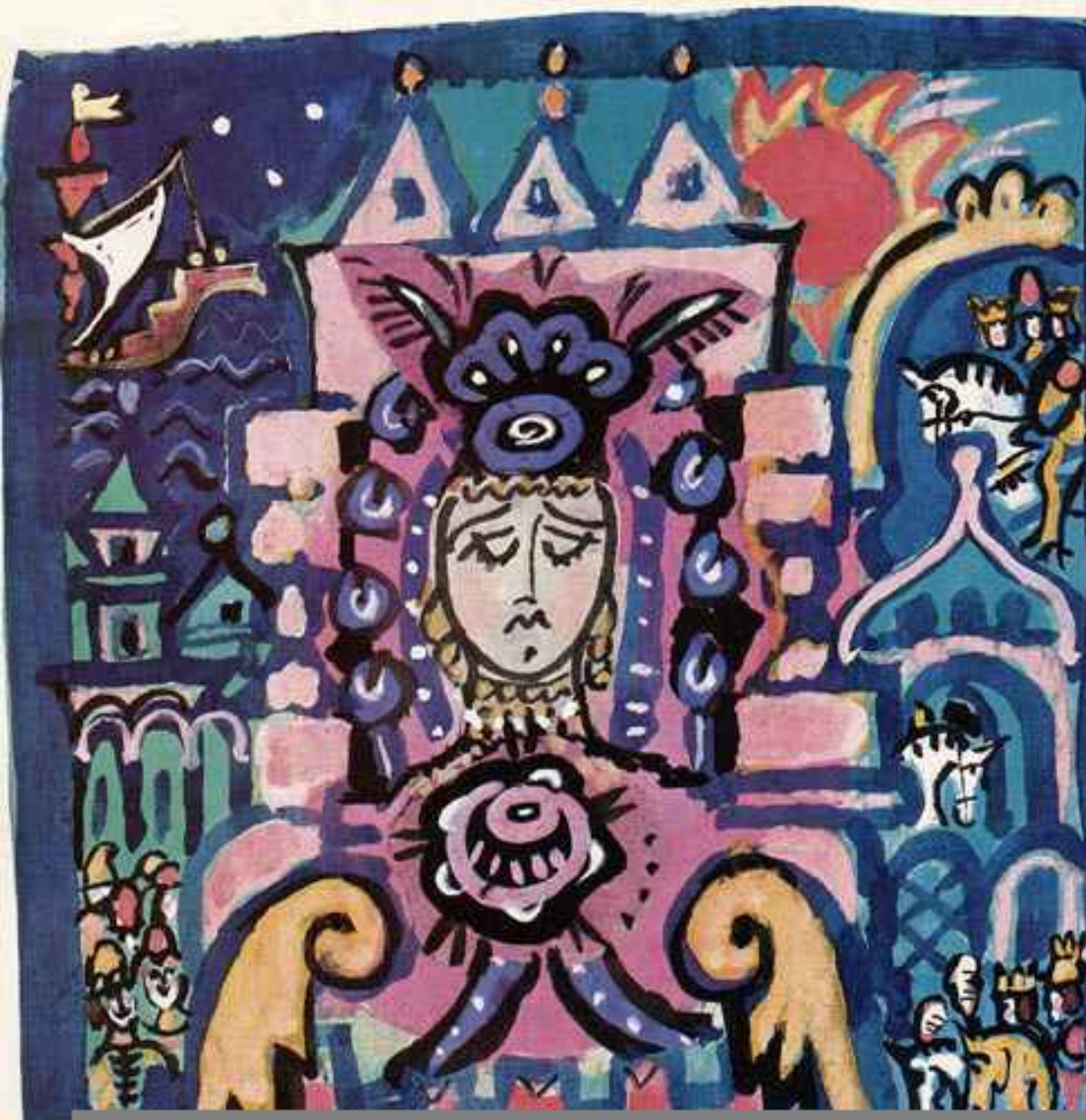
— Не бойся, не плачь, жив будешь! — сказал конь и заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил ему.

Вернулся стрелец из конюшни: тотчас подхватили его царские слуги — и прямо в котёл; он раз-другой окунулся, выскочил из котла — сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

арь увидел, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез в котёл и в ту же минуту сварился. Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с ней долгие лета

Кто людей веселит, за того свет стоит

НЕСМЕЯНА- ЦАРЕВНА

ЦАРСКИХ ПАЛАТАХ,
В КНЯЖЬИХ
ЧЕРТОГАХ,
ВЫСОКОМ ТЕРЕМУ
КРАСОВАЛАСЬ
НЕСМЕЯНА-
ЦАРЕВНА.

КАКОЕ ЕЙ БЫЛО ЖИТЬЁ,
КАКОЕ ПРИВОЛЬЕ,
КАКОЕ РОСКОШЬЕ!

Всего много, всё есть, чего душа хочет; и никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце её ничему не радовалось. Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостями.

— Пускай, — говорит, — пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женой.

Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон едут, идут — и царевичи, и княжевичи, и бояре, и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды —

Царевна всё не смеётся!

В том же царстве, на другом конце, в своём уголке жил работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот загонял, всегда был в трудах. Хозяин его платой не обижал. Только кончился год — он ему денежку даёт. Зажал её работник в горсти, вышел на двор, да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выскользнула и потонула в колодезе. Остался работник ни при чём! Снова за работу принялся. Каждое дело в его руках огнём горит! Минул ещё год. Хозяин опять ему дал денежку. Работник взял, пошёл напиться и выпустил её невзначай из рук — денежка в колодезе и потонула.

пять принялся он за работу; поглядишь — у кого хлеб сохнет, желтеет, а у него всё бутеет; чья скотина ноги завивает, а его по улице брыкает; чьих коней под гору тащат, а его и в поводу не сдержат. Кончился срок, миновал третий год:

— Твой труд, твоя и деньга! — говорит хозяин и дал ему денежку.

Берёт работник денежку, идёт к колодцу... воды испить — глядь: последняя деньга цела и прежние две наверх выплыли.

Подобрал он их, обрадовался и думает:

«Пора мне бел свет поглядеть, людей узнать». — Подумал и пошёл куда глаза глядят.

Идёт по полю, бежит мышь:

— Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку, я тебе сама пригожусь!
Дал ей денежку.

Идёт лесом, ползёт жук:

— Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Дал и ему денежку.

И ДЁТ ВДОЛЬ РЕКИ,
ВСТРЕТИЛСЯ СОМ:

— Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку;
я тебе сам пригожусь!

Он и тому не отказал, последнюю отдал.

САМ ПРИШЁЛ В ГОРОД;

там людей, там дверей! Загляделся, завертелся
работник на все стороны; куда идти — не знает.

А перед ним стоят царские палаты, серебром-
золотом убранные, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на
него глядит. Куда деваться? Загляделся. Затуманилось у него
в глазах, и упал он прямо в грязь. Откуда ни взялся сом с
большим усом, за ним жучок-старичок, мышка-стрижка; все
прибежали. Ухаживают, ублажают: мышка платьице снимает,
жук сапожки очищает, сом мух отгоняет.

лядела, глядела на их услуги Несмеяна-царевна
и засмеялась.

— Кто, кто развеселил мою дочь? — спрашивает царь.
Тот говорит: я, другой: я.

— Нет! — сказала Несмеяна-царевна. — Вон этот человек! — и указала на работника.

отчас его во дворец, и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом! Царь своё царское слово сдержал; что обещал, то и даровал.

Я говорю:

— Не во сне ли это работнику снилось?
Заверяют, что нет, истинная правда была —

ТАК НАДО
ВЕРИТЬ.

Содержание

Царевна-лягушка	5
Сивка-бурка	27
Хитрая наука	41
Ведьма и Солищева сестра	59
Перо жар-птицы	73
Несмеяна-царевна	87

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Русские народные сказки

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ

Рисунки, составление, подготовка текста
Т. МАВРИНЮ

ИБ № 1167

Редакторы: А. Кудрявцев, В. Фролов. Художественный редактор: Ю. Роговский. Технический редактор: Н. Желудова. Корректор: Н. Павлова. Сдано в набор 06.10.81. Подписано в печать 07.03.82. Формат 90х70 1/8. Тираж 400 экз. № 3. Характеристика авторского: (Получено автором) Уд. экз. 2, 2.0, 5.0, 10.0, 15.0, 20.0, 25.0, 30.0, 35.0, 40.0, 45.0, 50.0, 55.0, 60.0, 65.0, 70.0, 75.0, 80.0, 85.0, 90.0, 95.0, 100.0 экз. № 1412. Дата № 0492. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Молодая гвардия». Москва, К-13. Ветеринарный изд. № 08. Одному издателю: Копировать. Издание подготовлено. Детская книга: № 3. Выходит в свет 1 раз в год. Издательство: РСФСР, Москва, издательство, издательство и издательство. Москва, Сургутский изд. № 08.

